

Ритуал «ёлочку выносить» с приговором подруги невесты

В свадьбе Костромской губернии, а также в Тверской, Ярославской, Вологодской губерниях важную роль играл ритуал под названием «ёлочку выносить». Проводили его в разные моменты свадьбы: он засвидетельствован на сговоре, на девичнике при застолье, после бани невесты, в день свадьбы в ее родительском доме перед поездкой к венцу. Отмечены и случаи исполнения после венчания — на пиру у молодого, но это нелогично и указывает на разрушение свадебного обряда. «Выносить ёлочку» — региональный ритуал русской свадьбы, характерный для ограниченной территории, примыкающей к Русскому Северу и наполненной хвойными лесами; на других землях он не встречается. Центром его бытования является Костромская губерния, а периферией — перечисленные соседние губернии, Северный край (Карпогорский район, 1929–1936 гг.) и Нижегородская (Горьковская) область. В конце XIX в. ритуал распространился на Белозерский уезд Новгородской губернии и совместился там с причитаниями невесты, обращенными к девичьему праздничному головному убору — «коронке»¹⁶². Просватанная девушка кланялась елочке, но к ней не было обращено специального приговора, что свидетельствует о позднем перемещении ритуала на северные территории.

Суть ритуала заключается в следующем. Подружки невесты приносили из леса тщательно подобранную маленькую елочку, наряжали ее ленточками и зажженными свечами, иногда сажали на верхушку куколку. Хвойное деревце всегда держала в руках главная подруга, ставила

его на праздничный стол и произносила речитативом соответствующий приговор.

В научных экспедициях Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук в 1980-е гг. и затем в 2010-е гг. (в последних мы принимали участие) было установлено следующее. В Парфеньевском районе Костромской области, как и в Чухломском уезде Костромской губернии, свадебную елочку после ее выкупа приколачивали к дому невесты или на конёк бани, там она красовалась несколько дней, затем деревце снимали и девушки забирали ленточки себе. Сведения об этом имелись и в научной литературе XIX в. Интересно, что подобный обычай до сих пор практикуется с аналогичной елкой, которую пристраивают на крышу избы при проводах парня в армию, чтобы все жители селения знали, что человек из этого дома уходит защищать Родину. Когда он возвращается, то сам снимает деревце. Мы видели такие дома с наряженной елочкой в с. Парфеньево в середине 2010-х гг. Свадебная же «ёлочка» знаменовала собой девичество и символизировала красоту девушки. В обоих случаях — и с невестой, и с парнем-призывником — она как бы замещала эти лица при их отсутствии, причем просватанная девушка покидала родительский дом навсегда, а солдат — только на время службы в армии.

На Русском Севере елочке невесты соответствовал образ «дэвьей красоты» («дівьей красоты», «красной красоты»). Представление об этом нашло материальное воплощение в девическом головном уборе («золотой перевязочке», «коронке», «жемчужном венце») или ленте, коснике (украшении косы). Этот предмет передавали младшей сестричке (реже — золовке), которой придет черед выходить замуж после свадьбы старшей сестры (Вологодская губерния и уезд и др.)¹⁶³.

В среднерусском типе свадьбы, особенно на более южных территориях, где не росли хвойные леса, вместо елочки использовали засохший репей зимой, березку, ветку плодового дерева. Их также украшали разноцветными ленточками и лоскутками, но длинных приговоров, посвященных им, не было. В украинской свадьбе «гільце» (украшенную веточку) вставляли в центр свадебного каравая.

Выскажем предположение, что свадебная елочка имела двойное происхождение. Сначала она заменила собой более южное растение, в первую очередь плодое, которое являлось цветущим и потом должно было принести плоды. Плодое деревце или его веточка, украшенная лентами и иногда воткнутая в свадебный пирог, являлись древним символом, иносказательно обозначавшим невесту, которой предстояло выйти замуж и родить детей, подобно садовому дереву, приносящему плоды. Когда русское население при освоении новых земель перемещалось к северу, на территории разных угро-финских народностей, оно приносило с собой с юга на север и свадебную обрядность. Там лиственное деревце заместилось хвойным, более привычным для холодного климата. Уже на территориях севернее Москвы, начиная с земель будущей Тверской губернии/области, ритуал с елочкой получил поэтическое обрамление в виде объемного приговора главной подружки невесты о «дэвьеѣ красоте». Император Петр I на рубеже XVII–XVIII вв. издал указ об украшении на Рождество Христово еловыми ветвями двери по немецкому обычаю, а наряженная елка вошла в дворянский праздничный быт в начале XIX в. Русские крестьяне сохранили свой национальный обычай отмечать Рождество и зимние Святки колядованием, хождением с рождественской звездой, гаданиями, ряжением, окунанием в проруби. Но еще несколько столетий после Петровской эпохи они не ставили украшенную елку в избе на севере и особенно в южной части

России — в тесной хате, наполненной многочисленными членами большой патриархальной семьи. Но именно тогда севернорусские крестьяне могли перенести идею «свадебного деревца» конкретно на елку, опоэтизив ее в обрядовом приговоре подружки невесты. Фольклорных свадебных произведений, в том числе приговоров на вынесение елочки, записанных в допетровское время, нет. Следовательно, предположение о двойной этнографической природе елочки невесты невозможно доказать или опровергнуть.

Целью произнесения приговора на вынесение елочки и установления ее на праздничном столе, за которым сидела невеста, было получение подружками за нее выкупа — монет и мелких денежных купюр (в периоды обесценивания денег), а также угощения конфетами, пряниками, коврижками, орехами. Горящие свечи задували, что свидетельствовало о завершении ритуала и символизировало утрату невестой ее прежнего статуса незамужней девушки. Зачин приговора сводился к поэтической формуле «Раздайся, народ, / Расшатися, народ, / Дёвья краса́та идёт» и продолжению «Не сама она идёт — / Дёвью краса́ту несёт» или к вариантам наподобие «Красна девица идёт, / Не одна она идёт, / Дивью краса́ту несёт». Далее главная подруга расписывала путь девушки с «дэвье́й краса́той» по идеализированной избе, перечисляя дорогостоящую мебель, узнавая имя жениха и оглашая достоинства невесты. Затем той задавали вопрос: «Куда прикажете дивью красоту девать: / На стол становить или вон выносить?»¹⁶⁴ В итоге елочку ставили на стол и приглашали жениха загасить на ней свечи, а за это от его дружки требовали угощения. Также от имени подружек сообщалось о трудностях, с которыми они деревце добывали, — например, в д. Синцово Чухломского уезда Костромской губернии:

*Мы за елочкой ходили,
По перчаткам износили,
Зелену елочку рубили,
Три топорика иступили*¹⁶⁵.

В д. Запрудница Костромской губернии и уезда звучало такое объяснение сложностей срубания елочки в лесу:

*Мы за елочкой-то ходили в лес,
А под елочку-то волк залез,
Мы хотели, деушки, ее рубить,
А волк-от на нас и глядит.
Мы, деушки, напугались
Да домой и разбежались*¹⁶⁶.

В приговорах о елочке ее красота прямо сопоставляется с молодостью невесты. В Чухломском уезде Костромской губернии об этом спрашивала жениха подруга невесты и получала ответ: «Почему у нас елочка зелена? — Потому что невеста молода»¹⁶⁷.

Необязательным ответвлением сюжета оказывается сопоставление «дэвье́й красóты» и «бабье́й доли» — например, в приговоре д. Иванниково Костромской губернии и уезда:

*Девья-то красота
Белится, румянится,
Гулять собирается.
А бабья-то красота
По печи валяется,
В портянки увивается,
В лапти обувается,
Веревкам оплетается,
По улице идет, запинается*¹⁶⁸.

Редким поэтическим элементом является подробное описание елочки — совершенно не реалистичное, но идеализированное и отсылающее к сказочным персонажам; оно имеется в приговоре д. Дровинки Костромской губернии и уезда. С его помощью обосновывали небывало дорогую просимую плату за украшенное деревце:

*У нас эта елочка — сторублевочка,
Каждый сучочик стоит четвертачок,
На маковке цветочик —
Аннушки грудочик? — нрзб>.
У нас на этой елочке есть жар-птица.
Извольте этой птице четверть пшеницы,
Не пшеницы, так овсеца,
А не овсеца, так чистого серебреца¹⁶⁹.*

Во второй смысловой части повествовалось об утрате невестой ее «девьей воли» — например, в Чухломском уезде Костромской губернии:

*Пошла дивья красота
В батюшко поле чистое,
Во лужка во зеленые,
Привилась дивья красота
Ко сухому ко дереву.
Уж как этому дереву
Не бывать ему зелено,
Так и тебе, милая подруженька,
Не бывать в красных девушках,
Не видать дивьей красоты <...>¹⁷⁰.*

В приведенном приговоре, записанном вскоре после Октябрьской революции 1917 г., с упоминанием «советских конфеточек», добавлена необязательная концовка — про

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

